

Е. А. Пивнева

ДИНАМИКА ТРАДИЦИИ В АРКТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*

УДК 39(985)

ББК 63.5(211)

Статья посвящена динамике культурной традиции арктических народов России в условиях новых проектов экономического и военно-стратегического характера. Особое внимание уделено ненцам Ямала, являющим собой пример успешного сочетания адаптивности и резистентности в меняющихся социально-экономических и политических условиях. Рассматриваются проявления новаций в жизнедеятельности этого народа. Обсуждается роль традиционных форм хозяйства как фактора сохранения традиций. Анализируются этноориентированные инновационные проекты ЯНАО, находящиеся в русле государственной двуединой задачи — сохранения культуры, образа жизни коренных малочисленных народов Севера и их адаптации к современным условиям. Отмечается, что аборигенные культуры выполняют сегодня новую для них функцию региональных брендов. Обращается внимание на стратегию культууроориентированной модернизации и многовариантного саморазвития. Делается вывод о необходимости использования разных подходов к различным социальным группам аборигенного населения и о важности индивидуальных стратегий адаптации.

Ключевые слова: *народы Арктики, ненцы, традиции, новации, промышленное освоение, адаптация, модернизация, социокультурная сложность*

Крупномасштабные планы государства по освоению природных ресурсов Российской Арктики вызывают новый виток интереса к судьбам насельников высоких широт, интересы которых часто идут вразрез с инновационной активностью промышленного натиска. Речь идет о коренных малочисленных народах (КМН), образ жизни которых рассматривается обычно как традиционный. Суть проблемы была сформулирована недавно академиком В. А. Тишковым: «Историческая специфика коренных народов Российской Арктики состоит в том, что они уже несколько тысяч лет назад освоили уникальную природную среду этого региона, создали своего рода “арктическую цивилизацию” с характерной для нее самобытностью и своеобразием уклада жизни населения, системы жизнеобеспечения. С другой стороны, так называемые коренные малочисленные народы Севера давно и прочно укоренены в российском государстве и в российской

истории. Более того, аборигены циркумполярных широт — одна из брендовых характеристик образа России как северной страны. Нужно ли образ жизни арктических жителей подстраивать под общероссийский? Или это мир, который желательно сохранить в его неизменном статусе? Или возможен третий вариант, который мы в свое время назвали культурно-ориентированной модернизацией?»¹ Рефлексия по поводу путей дальнейшего развития существует и в среде самих северян, которые задаются вопросом: сохранять и развивать свою уникальную культуру или отказаться от нее и жить как подавляющее большинство граждан страны? Эту дилемму формулирует, в частности, Г. П. Харючи: «...в какой мере следует сохранить традиционный образ жизни и какова должна быть степень приобщения к современной цивилизации?»²

Несмотря на то что в последние годы появляется все больше публикаций, в которых абориген северных широт уже не изображается столь однозначно «традиционным», живущим вне контекста стремительно глобализирующегося мира, все же, по мнению некоторых исследователей, риторика «традиционных культур», «традиций» по-прежнему остается главенствующей в этнографических

Пивнева Елена Анатольевна — к.и.н., ученый секретарь, Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
E-mail: pivnel@mail.ru

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации» (проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»)

¹ Из выступления В. А. Тишкова на Общем собрании Российской академии наук (г. Москва, 16 декабря 2014 г.).

² Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск, 2001. С. 181.

текстах.³ Вместе с тем нельзя не отметить, что стремительные социально-экономические преобразования последних десятилетий во многом изменили наши представления о культуре аборигенов высоких широт, как, впрочем, и о сущности традиции, которая в обыденном представлении ассоциируется с устойчивостью, постоянством. Этим сюжетам были посвящены проекты в рамках реализации в 2012–2014 гг. Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».⁴ С 2014 г. в Институте этнологии и антропологии РАН выполняется проект «Коренные народы и промышленное освоение Арктики: преодоление рисков и стратегии развития»⁵; осуществляются региональные историко-культурные и этнографические исследования, а также совместные международные проекты. Настоящая статья является продолжением содержащихся в этих работах размышлений о культурных традициях арктических народов России в современном мире, в условиях новых проектов экономического и военно-стратегического характера.

Арктические этнокультуры

По подсчетам специалистов Института этнологии и антропологии РАН, в Арктической зоне Российской Федерации⁶ проживает 82,5 тыс. (или около 30 %) представителей КМН (их общая численность — примерно 250 тыс. человек). По своему этническому составу это: ненцы — 41 849 человек (50,7 %), чукчи — 12 772 (15,5 %), ханты — 9 560 (11,6 %), эвены — 4 413 (5,3 %), эвенки — 3 573 (4,3 %), селькупы — 2 342 (2,8 %), саамы — 1 604 (1,9 %), эскимосы — 1 529 (1,9 %), долганы — 1 188 (1,4 %), чуванцы — 897 (1,1 %), кеты — 785

(1,0 %), нганасаны — 778 (0,9 %), юкагиры — 632 (0,8 %), энцы — 218 (0,3 %), манси — 169 (0,2 %), вепсы — 101 (0,1 %), коряки — 69 человек (0,1 %), а также единичные представители ительменов и кереков.⁷ Наибольшее число жителей Арктики сосредоточено в Мурманской и Архангельской областях и Ямало-Ненецком автономном округе (далее — ЯНАО) — всего 79 %. Доля КМН Севера среди населения арктических регионов распределена крайне неравномерно: в Чукотском АО она составляет 33 %, в Якутии — 23, Ненецком АО — 18, ЯНАО — 8, в то время как в Архангельской области — 0,1, в Мурманской области — 0,2, в Республике Коми — 0,4 %.

По содержательному наполнению современная культура арктических аборигенов включает в себя три «потока» — «это собственно этнокультура (аборигенная культура), общероссийская культура на основе русского языка и общероссийских историко-культурных ценностей и правовых норм, а также общегражданских установок. Это современная материальная и духовная культура, которая проистекает из общецивилизационных достижений, а также от некоторых воздействий западной массовой культуры. Разные возрастные и социальные группы аборигенного населения в разной степени используют эти три культурных потока и по-разному формируют свое отношение к ним».⁸ Очевидно, что бытование традиций связано с этнической (аборигенной) культурой. Но как измерить ее значение для этнической общности в целом?

Сводной статистики, позволяющей судить об «уровне традиционности» арктических народов, не существует. Неким косвенным показателем могут служить сведения о состоянии традиционных видов природопользования, с которыми устойчиво коррелирует сохранность культурной традиции. По имеющимся данным, с оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой связано около четверти проживающих в Арктике аборигенов (по некоторым оценкам, там кочует часть года или круглогодично около 20 тыс. человек). Удельный вес занятых в традиционных отраслях хозяйства составляет 18–25 % лишь

³ Подробнее об этом см.: Функ Д. А. Современные «традиционные» культуры народов Севера // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 4.

⁴ См. итоговую публикацию по программе: Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015.

⁵ Одним из результатов этого проекта стала монография: Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М., 2014.

⁶ Согласно указу Президента РФ № 296 от 2 мая 2014 г. «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», этот регион включает территории восьми субъектов РФ: 1) Мурманской области; 2) семи муниципальных образований Архангельской области; 3) Ненецкого автономного округа; 4) городского округа «Воркута» Республики Коми; 5) Ямало-Ненецкого автономного округа; 6) городского округа Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района и Туруханского района Красноярского края; 7) пяти улусов (районов) Республики Саха (Якутия); 8) Чукотского автономного округа.

⁷ Статистические данные по Арктической зоне РФ подготовлены В. В. Степановым.

⁸ Соколова З. П., Тишков В. А. Народы Западной Сибири в XX — начале XXI в. // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2006. (Народы и культуры)

среди ненцев, долганов, чукчей, энцев. Среди остальных аборигенных народов он не превышает 9–13 %. Большинство из них — оседлые жители поселков и городов, что само по себе является, по словам В. В. Карлова, «выразительным показателем изменений всей прежней этнокультурной среды жизнедеятельности людей, базировавшейся на рутинных способах хозяйствования и видах труда <...> коренного изменения... всего традиционного бытового уклада человека».⁹

Если же судить об этнокультурной ситуации у народов Арктики по состоянию языка — одного из наиболее устойчивых маркеров этнической идентичности, — здесь наблюдается тенденция сокращения представителей местных этнических групп, владеющих родным языком (соответствующим национальности). По данным 2010 г., из 81 183 представителей коренных народов Арктической зоны России, указавших владение языками, родным языком владело 37 %. Для подавляющего же большинства основным языком знания и общения сегодня является русский; более того, почти 30 % назвали его родным. Однако тот факт, что отдельные этнические группы демонстрируют довольно высокие значения показателя «владение родным языком» (ненцы — 76 %, нганасаны — 70, ханты — 62, долганы — 61, селькупы — 56, чукчи — 49, эвены — 45, эскимосы — 43 %), свидетельствует о символической ценности родного языка как субъективного представления, идеи, на основе которой индивид ассоциирует себя с этнической, языковой группой.

Ямало-ненецкий феномен

Экстремальность природно-климатических условий Арктики сформировала общие черты арктических этнокультур, отличающихся особой адаптивностью к этим условиям. Вместе с тем конкретные исследования показывают, что современная социокультурная ситуация у отдельных этнических групп, даже порой внутри группы, складывается по-разному и во многом зависит от (микро)региональной специфики. Для более детального изучения взаимовлияния традиций и современных новаций нами выбран по ряду причин Ямало-Ненецкий автономный округ. Во-первых, он является примером тесного взаимодействия

субъектов традиционного и промышленного природопользования. Во-вторых, этому округу специалисты отводят лидирующую роль в развитии арктической региональной экономики: «Достаточно амбициозными представляются современные проекты Ямала, такие как проект “Ямал-СПГ”... по сжижению природного газа (СПГ), морского порта Сабетта... для отгрузки СПГ на суда, создание аэропорта-хаба... для формирования кроссполярных и внутрирегиональных авиаперевозок. ...проект “Энергия Арктики”, ориентированный на превращение Салехарда в мировую столицу арктического циркумполярного сообщества... В Салехарде возводятся также Ситуационный центр ЯНАО и центральное управление ГО и ЧС... новая электростанция мощностью 268 МВт. Из Надьма к Салехарду прокладываются железная и круглогодичная автомобильная дороги. <...> Все это позволяет считать Ямал не только лидирующей нефтегазоносной провинцией Арктики, но и территорией доминантного территориального развития, ключевым элементом возрождения Севморпути».¹⁰

В то же время в ЯНАО проживают значительные по численности группы КМН Севера — ненцы, ханты, селькупы,¹¹ при этом ненцы, как никакой другой народ из числа северных аборигенов сохранившие свою самобытную этническую культуру, могут служить примером успешного сочетания адаптивности и резистентности в меняющихся социально-экономических и политических условиях. Исследователь А. В. Головнёв отмечает: «Среди народов современной России они — лидеры и по использованию потенциала собственной этнической культуры “на душу населения” (оригинальная религия, мифология, кочевой оленеводческий культурно-хозяйственный комплекс), и по практике родного языка (им владеют $\frac{3}{4}$ ненцев в местах традиционного расселения), и по демографическим индексам (особенно высока репродуктивность ненцев-кочевников)».¹² Они же — единствен-

¹⁰ Российская Арктика: современная парадигма развития. СПб., 2014. С. 804.

¹¹ По данным Ямалстата, на 1 января 2011 г. численность коренных малочисленных народов Севера в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в ЯНАО составила 37 125 человек, или 6,8 % от общей численности населения автономного округа. Кочевой образ жизни ведут 14 667 человек (3 139 семей), или около 40,2 % от всего коренного населения. В тундре вместе с родителями проживают более 4 000 детей, из них до года — более 500 человек. См.: Портал народов Севера. Департамент по делам КМНС. URL: <http://www.dkmns.ru> (дата обращения: 01.02.2015).

¹² Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 9.

⁹ Карлов В. В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010. С. 196, 197.

ный из оленеводческих народов, в чьем хозяйстве наблюдался существенный прирост поголовья оленей даже в те годы, когда по всей стране оно сокращалось. Сегодня ЯНАО по количеству домашних оленей занимает первое место не только в России, но и в мире. Эти факты заставляют в очередной раз задуматься о роли традиционных отраслей хозяйства (прежде всего оленеводства), выступающих, в частности, в качестве фактора сохранения этнических традиций.

Промышленное освоение региона, осуществляемое высокими темпами, неизбежно влечет за собой сокращение ресурсной базы традиционных отраслей хозяйства, так как происходит изъятие пастбищ, загрязнение тундры и водоемов. По некоторым данным, общая площадь негативного влияния промышленных и инфраструктурных объектов в ЯНАО составляет порядка 2,6 млн га; около 5 млн га оленьих пастбищ погибло в результате освоения газовых месторождений, при этом более 50 % этих земель находится вблизи магистральных и промысловых трубопроводов. Страдают и основные водные объекты ихтиофауны — реки (Обь, Таз, Пур) и озера — в связи с прокладкой по дну нефтегазовых трубопроводов и дноуглубительными работами в бассейне Обской губы. Вследствие сокращения оленьих пастбищ, а также по причине климатических изменений (ранний весенний паводок) используются другие методы выпаса оленей, передвигаются сроки кочевий и корректируются их маршруты в целях сохранения поголовья и обеспечения личной безопасности при передвижении через водные артерии округа.¹³

Следует отметить, что власти ЯНАО уделяют большое внимание проживающим здесь коренным народам. В округе существуют финансовые механизмы, призванные поддерживать их жизненный уровень и культуру; создана значительная нормативно-правовая база, регулирующая статус КМН Севера и политику в отношении этих народов, принят ряд стратегических документов, определя-

ющих их развитие в долгосрочной перспективе; ведется также активная общественная деятельность, направленная на защиту прав и интересов аборигенов, на поддержку исчезающих форм культуры и традиционных ценностей. При этом все отчетливее осознаются задачи как сохранения и восстановления историко-культурного наследия северных аборигенов, так и его дополнения современными технологиями, элементами целенаправленного обучения.

Модернизация традиций

На государственном уровне в отношении КМН Арктики ставится двуединая задача сохранения их культуры, образа жизни и адаптации их традиционной деятельности к современным условиям. Принята программа «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», предполагающая мобилизацию культуротворческих ресурсов для реализации инновационных социокультурных проектов, более активное использование традиционного знания КМН в современных хозяйственных и культурных практиках (интеграция этнической культуры с туризмом, торговлей, градостроительством и пр.).

Этноориентированные инновационные проекты ЯНАО находятся в русле государственных стратегических задач. В адаптации традиционных отраслей хозяйства к современным социально-экономическим условиям значительная роль отводится новым формам организации производства — общинам и малым формам хозяйствования. С этой целью в 2003 г. в Салехарде, например, было создано Государственное учреждение «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». В округе также взят курс на глубокую переработку продукции оленеводства. Так, в настоящее время ассортимент высокотехнологичного комплекса убоя и переработки «Ямальские олени», созданного по проекту финской компании «Komatos Oy», уже включает более 60 наименований продукции. По сообщениям СМИ, с 2008 г. в Европу было отправлено около 1000 т мясных продуктов. Например, в 2011 г. финская компания «Lapin Liha OY» закупила на Ямале 300 т оленины на 1,5 млн евро; немецкая компания «Geti Wilba GmbH & Co.KG» — 160 т мяса

¹³ См.: Зуев С. М. Традиционное природопользование в условиях промышленного освоения Ямало-Ненецкого автономного округа // Культура Арктики. Якутск, 2014. С. 152, 153. См. также результаты проведенных в последние годы в округе этноэкспертиз: Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М., 2012; Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А. В. Головин [и др.]. Екатеринбург, 2014 и др.

на 1 млн евро.¹⁴ Проблему оскудения пастбищ из-за эксплуатации газовых месторождений в ЯНАО предполагают решить при помощи новых технологий содержания оленей, а именно — внедрения изгородной практики.

В планах властей Ямала также строительство завода по разведению сиговых рыб и даже искусственное выращивание морошки. «Никто об этом даже подумать не мог. А мы попробовали, и оказалось, что в теплице это возможно, — цитируют СМИ слова губернатора округа Дмитрия Кобылкина. — В мире такого нигде пока нет. Морошки мало, она растет очень короткий период времени, если сделать ее круглогодичной, будет очень здорово».¹⁵

Этнокультурный потенциал КМН Севера все активнее используется в туристическом бизнесе. Зарубежным и отечественным туристам предлагаются этнографические туры по Ямалу, знакомящие с традиционным укладом жизни и самобытной культурой коренных жителей. По сведениям Департамента молодежной политики и туризма ЯНАО, в сфере туризма официально задействовано 5 общин, на родовых угодьях которых организован круглогодичный прием туристов; 13 общин имеют опыт приема туристов на базе этностойбищ. Наибольшее количество туристов за последние годы приняли общины Ямальского, Шурышкарского и Приуральского районов, такие как ООО «Минуруй» и семья оленеводов Алексея и Светланы Сэротэтто (Ямальский район); ООО «Нохращ» (Шурышкарский район); родовое стойбище Анатолия Вэнянго и стойбище оленеводов Тайшиных, а также национальные общины «Канащ ёх» и «Нессэьмавы-ил» (Приуральский район) и др.¹⁶

Многие общины КМН Севера предусматривают в своих уставах производство сувенирной продукции. Наиболее деятельными в этом отношении являются общины Салехарда, Шурышкарского, Приуральского, Надымского районов. В округе создана творческая лаборатория «Ямальский сувенир», в деятельности которой принимают участие народные умельцы, творческие коллективы; дома ремесел, частные предприятия округа работают в области декоративно-прикладного искусства.

«Вот уже немало лет работники культуры, а в последние годы и туристического бизнеса бьются над поиском и созданием ямальского сувенира, — пишет Е. Т. Пушкарева. — Создать неповторимый, легко узнаваемый, недорогой... ямальский сувенир очень сложно ввиду множественности техник, материалов, вкусов, традиций, а также по причине отсутствия у народов Севера Ямала в традиционном быту сувенира как такового. У коренных народов были подарки, преподносимые по тому или иному поводу... но не сувениры».¹⁷

Аборигенные культуры сегодня выполняют новую для них функцию региональных брендов: в округе практикуется оформление орнаментом «оленьи рога» помещений для проведения официальных мероприятий, использование оленеводческой тематики в печатной продукции, вручение подарков официальным лицам и почетным гостям в виде традиционной одежды оленеводов и пр.¹⁸ В программы официальных праздников, различных фестивалей и других этнокультурных мероприятий включаются выставки-продажи сувениров, концерты фольклорных коллективов, семинары мастеров декоративно-прикладного искусства, показ моделей одежды в «этническом стиле» и т. д. Однако нередко подобные мероприятия демонстрируют существенные отклонения от «классических» норм ненецкой культуры. Например, некоторые обряды, в частности жертвоприношения, в традиционных условиях, по словам Г. П. Харючи, «являются интимными, семейными или родовыми».¹⁹

В деле сохранения историко-культурного наследия ЯНАО большая ставка делается на современные технологии. С 2011 г. в округе реализуется проект «Золотой фонд народной культуры Ямала», в рамках которого предусмотрено создание электронного каталога (реестра) Фольклорного фонда. Предполагается, что в дальнейшем электронный каталог нематериального культурного наследия народов Ямала даст возможность перехода к созданию электронной мультимедийной коллекции таких объектов и станет составной частью Каталога объектов нематериального культурного

¹⁴ См.: Ромашова М. Аграрные козыри Арктики. URL: <http://www.rusbiznews.ru/news/n1174.html> (дата обращения: 01.02.2015).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Департамент молодежной политики и туризма ЯНАО. URL: <http://www.yamolod.ru> (дата обращения: 01.02.2015).

¹⁷ Пушкарева Е. Т. Культура народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа как один из маркеров его региональной идентичности // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой. М., 2010. С. 250, 251.

¹⁸ Там же. С. 249, 250.

¹⁹ Харючи Г. П. Указ. соч. С. 200–202.

наследия народов Российской Федерации.²⁰ Окружной Дом ремесел работает над созданием электронных каталогов, содержащих информацию о мастерах и художниках округа. Для сохранения и восстановления утраченных ремесленных навыков составляются поэтапные описания технологических процессов изготовления декоративно-прикладных изделий, сопровождаемые иллюстративным материалом, которые издаются в серии методических пособий «Уроки мастерства» (авторами мастер-классов являются знатоки и носители традиционной культуры коренных народов Ямала).²¹

Недавние технологические новации ведут к появлению кажущихся курьезными смесей традиций и элементов «мировой» культуры. Так, в современной жизни кочевников тундры поезд «участвует в выпасе оленей», а в той части чума, «где положено хранить священные предметы, теперь светится жидкокристаллический экран». По выражению А. В. Головнёва, «поступь глобализации в тундре (не говоря уже о поселках) видна в широком распространении телевизоров, спутниковых тарелок, DVD-плееров, ноутбуков, сотовых телефонов, GPS-навигаторов». ²² Исследователь отмечает высокую адаптивность ненцев, «демонстрирующих динамизм в восприятии и освоении культурных и технических новинок — от снегоходов и мотолодок до пластиковых труб (для изготовления подбоев к полозьям нарт) и современных коммуникационных hi-tech изделий... Однако вместе с ними приходят новые увлечения и зависимости, поглощающие внимание жителей тундры, особенно юное поколение, которое тундровым играм “нгухуко” и “парнэко” нередко предпочитает “смешарики” и “смурфиков»». ²³

Что касается юного поколения, в планах властей Ямала масштабная задача — привить молодым кадрам инновационное мышление. М. Ромашова пишет: «Востребованными будут специалисты в сферах инвестиционного и риск-менеджмента, высокотоварного пле-

менного оленеводства, проектного и венчурного финансирования, международных рынков и маркетинга, фармакологии и фармацевтики. Губернаторские гранты откроют талантливой молодежи дорогу в лучшие зарубежные агропромышленные университеты. Не за горами и создание электронного Ямальского университета. При использовании видеоконференций лекции в нем будут читать профессора российских и зарубежных вузов. А основой студенческого сообщества станут представители коренных народов Крайнего Севера». ²⁴

Примечательно, что первые в отечественном североведении попытки осмысления новых веяний в ненецкой культуре принадлежат исследователям из числа самих ненцев, что само по себе можно расценить как проявление их инновационной активности. По наблюдениям Г. П. Харючи, инновационные тенденции у ненцев в производственной сфере выражаются в заимствовании готовых стандартных изделий: снегоходов, моторных лодок, промыслового снаряжения и др. Традиционная одежда остается значимой для оленеводов и ненцев-горожан, не порвавших связи с родственниками-оленеводами или увлекающихся охотой и рыбалкой. Кроме этой утилитарной функции, она приобретает в инновационной среде новую функцию — праздничной и сценической одежды. В рационе ненцев в последнем десятилетии XX в. появились не известные ранее на Севере продукты в виде добавок и приправ к привычным для них блюдам. В религиозной сфере наиболее заметные изменения выражаются в сокращении количества священных мест, в ослаблении степени их значимости. Новые функции приобретают изображения духов, культовая атрибутика, становясь декоративными элементами общественных зданий или выступая в качестве сценического реквизита. Во время проведения этнокультурных мероприятий «традиционная сфера жизни северного народа приобретает характер зрелищного действия, которое наблюдают десятки и сотни присутствующих либо телезрителей; благодаря массовой коммуникации она становится открытой для внешней среды». ²⁵

²⁰ Доклад о реализации окружной целевой программы «Культура Ямала» в 2011 г. // Департамент культуры ЯНАО: <http://cultura-ymala.ru> (дата обращения: 01.02.2015).

²¹ С 2003 г. по 2012 г. увидели свет 8 методических пособий данной серии, все они размещены на сайте Окружного Дома ремесел (<http://www.remeslo89.ru>).

²² Головнёв А. В. Этноэкологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 150, 151. См. также: Этноэкспертиза на Ямале... С. 91.

²³ Там же.

²⁴ Ромашова М. Указ. соч.

²⁵ Харючи Г. П. Указ. соч. С. 200–202.

*О динамике традиции.
Вместо заключения*

Попытки осмысления происходящих сегодня у арктических народов изменений побуждают обратиться к некоторым теоретическим положениям, связанным с динамикой традиции.²⁶

Само понятие «традиция»/«традиционный»²⁷ является далеко не однозначным, хотя используется часто как нечто само собой разумеющееся. Так, этнографы привыкли считать, что традиционная культура северных аборигенов — это самобытные черты в хозяйственно-бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, которые сложились на основе традиционных форм хозяйства. С этой точки зрения с угасанием последних неизбежна утрата и самобытной этнической культуры, несмотря на попытки ее сохранения.

Именно так многие исследователи и расценивают сдвиги в образе жизни северных сообществ, полагая, что они ускоряют распад системы традиционных ценностей этих народов. Так, А. А. Южаков и А. Д. Мухачев отмечают: «В городах и поселках Севера, где численно преобладает приезжее население, происходит тотальная деэтнизация аборигенов, выражающаяся в потере национальных традиций и языка в течение жизни уже одного поколения. И это не удивительно: языки, одежда, обувь, традиции коренных северян рождены в среде кочующих оленеводов, охотников и рыбаков, и в современной оседлой, тем более урбанизированной, среде они не находят применения».²⁸ Это же мнение разделяют и наши информанты-ненцы: «Пока будет оленеводство, можно говорить о традиционной культуре»; «То, что у нас в городах, поселках пытаются назвать традиционной культурой, для меня это не традиционная культура. Это отголоски какие-то, как то, что я православный. Т. е. я не крещенный, но что-то о церкви знаю, захожу иногда и т. д.... Какая она может быть традиционной, если основа любой куль-

туры — это вид воспроизводства для собственной жизнедеятельности?»²⁹

Сторонники другого подхода убеждены в том, что все этнические культуры — традиционные. Эксперты полагают, что «было бы ошибкой считать “традиционное хозяйство” самой основой жизни этнической общности и отдельно взятого аборигена. Следует учитывать, что традиционность начала XXI в. не совпадает с той, что была характерна для начала XX в., а сегодняшние инновации — это завтрашние традиции. Для малой и все уменьшающейся части аборигенов “традиционное хозяйство” может оставаться “самой жизнью”, но для большинства оно таковым быть не может».³⁰

Авторы «Доклада о развитии человека в Арктике» — первого комплексного научного обзора циркумполярного Севера — призывают критически относиться к тенденции рассматривать изменения как угрозу бессмертной «традиции» применительно к коренным народам, в то время как в западном обществе те же процессы называют прогрессом. В этой связи они отмечают: «Перемены свойственны всем обществам и культурам. Это более “нормальное” и “здоровое” состояние, чем застой. Традиции приходят, трансформируются, и некоторые из них в конечном счете уходят. Устаревшие элементы культуры отбрасываются и появляются новые».³¹ В то же время в Докладе подчеркивается, что арктическим сообществам как локализованным системам свойственны механизмы адаптации, тесно связанные с местной средой, и при этом авторы видят в ресурсоориентированных культурах Арктики «важные для их устойчивости верования и ценности, включая почтение к миру природы и населяющим его животным, а также подход к жизни, основанный на духовности и ограниченных материальных потребностях».³²

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что мы имеем дело с двумя фундаментальными пониманиями традиции, в которых отчетливо просматривается общая основа — представление о традиции как о связующем звене прошлого и настоящего. «Отношение же к традиции может отличаться в зависимости от

²⁶ Автор осознает чрезвычайную сложность и дискуссионность этого вопроса и не претендует на его исчерпывающее раскрытие.

²⁷ Понятие «традиция» (от лат. *traditio* — передача) включает в себя комплекс обладающих ценностью норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения, характеризующих связь настоящего с прошлым.

²⁸ Южаков А. А., Мухачев А. Д. Этническое оленеводство Западной Сибири: ненецкий тип. Новосибирск, 2001. С. 9, 10.

²⁹ ПМА. Салехард, 2013 г.

³⁰ Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад / ред. В. А. Тишков. М., 2004. С. 11.

³¹ Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА): пер. с англ. / ред. А. В. Головин. Екатеринбург; Салехард, 2007. С. 50.

³² Там же. С. 239, 240.

того, как трактуется эта связь. В первом случае традиция воспринимается как некие реликты, как специфические “сгустки”, “уплотнения” прошлого в настоящем. В другом случае прошлое осознается как всегда присутствующее в настоящем, как постоянно в нем воспроизводящееся. И в этом случае традиция понимается как неотъемлемая сторона существования социума, как нечто универсальное и независимое от времени». ³³

Следует также обратить внимание на такое важное свойство традиции, как амбивалентность. Как замечает П. Штомпка, с одной стороны, «в традиции сосредоточена мудрость поколений, которые осуществили отбор... норм, ценностей, идеалов, правил, сохранили созданные ранее объекты»; «это своего рода кладезь идеальных и материальных ресурсов, используемых людьми в своих текущих делах, для возведения будущего на фундаменте прошлого»; ³⁴ с другой — любая традиция может сдерживать творчество или новации, навязывая готовые рецепты для решения современных проблем. Между тем попытки заменить поиск новых путей возвратом к старым испытанным методам чаще всего влекут за собой стагнацию. ³⁵

Амбивалентность, присущая традиции, ведет к противоборству мнений. Идеологии, благосклонно относящиеся к традиции, объединяются названием «традиционализм»; а отрицающие ее — «антитрадиционализм». По-видимому, наиболее разумной идеологической позицией является «критический традиционализм», который, как пишет П. Штомпка, «стремится уравновесить функции и дисфункции той или иной традиции в каждом конкретном случае, принимая в расчет ее содержание и исторические обстоятельства ее утверждения; отвергает ошибочный взгляд на прошлое как на источник исключительно добра и вместе с тем избегает другой крайности, характерной для догматического антитрадиционализма, который отрицает положительную роль традиции в человеческом обществе». ³⁶

В качестве некой середины между двумя крайностями — демодернизационным традиционализмом и жесткой модернизацией вне культурного контекста с целью полной ин-

теграции с доминирующим обществом — может служить уже упомянутая в начале статьи стратегия культуроориентированной модернизации и многовариантного саморазвития, ³⁷ которая предполагает использование разных подходов к различным социальным группам аборигенного населения. Она учитывает невозможность обеспечения в современном мире приемлемых условий социального существования только на базе традиционной модели и утверждает необходимость для аборигенного населения овладения модернизационными жизненными стратегиями. Многовариантный подход включает создание «точек роста» на основе конкретных проектов и отдает предпочтение индивидуальным стратегиям людей, их основополагающему стремлению обеспечить лучшие условия социального существования. ³⁸

Что касается будущего, сегодня трудно предугадать результаты социокультурных изменений. Для оценки возможных вариантов развития событий некоторые исследователи используют сценарный подход. Предлагаемые сценарии развития народов Севера (изоляция, автономизация, ассимиляция и интеграция с российским сообществом и пр.) экстраполируют на будущее уже сложившиеся, длительное время действующие тенденции этносоциального развития, определявшиеся как внешними влияниями, так и привычными, стереотипными формами реакции народов на вызовы окружающего мира. ³⁹

С точки зрения эволюции культурных форм и систем, по словам В. А. Тишкова, «мы не знаем, в какую сторону движется мир: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и

³³ Народная культура в современных условиях. М., 2000.

³⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 94, 95.

³⁵ Там же. С. 96.

³⁶ Там же. С. 97, 98.

³⁷ Необходимо также упомянуть об иницированном в начале 1990-х гг. проекте неотрадиционализма, предполагающего обновление культур Севера в синтезе традиционализма и модернизма (Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М., 1994). См. также: Иванова (Мадюкова) С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма: к постановке проблемы // Вестн. НГУ. Сер. Философия. Новосибирск, 2006. Т. 4, вып. 2. С. 93–97; Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Социокультурный неотрадиционализм как способ существования традиций в современных условиях // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012. С. 578–586 и др.

³⁸ См.: Современное положение и перспективы развития... С. 11, 182.

³⁹ См.: Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Сценарный подход к анализу развития коренных малочисленных народов Севера: актуальность, критерии, опыт использования // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 140–144.

каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности или меланжа. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер».⁴⁰ В отношении коренных народов Арктики можно согласиться с утверждением экспертов о том, что начавшиеся в XX в. беспрецедентные по объему и темпам

социокультурные изменения не уничтожили традиционные арктические этносистемы. «Скорее, для Арктики характерны различные комбинации “коренных” и “западных” элементов. Воспринимаемые попеременно как “утраты” или “новации”, эти социальные и культурные процессы неизбежно ведут к новым формам смешения “старого” и “нового”. Решать, какого рода сочетание наилучшим образом обеспечит их нужды, будут сами жители Арктики»⁴¹.

Elena A. Pivneva

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: pivnel@mail.ru

DYNAMICS OF TRADITION IN THE ARCTIC DIMENSION

The article deals with the dynamics of cultural tradition of the Arctic peoples of Russia under the conditions of new economic and military-strategic development projects. Particular attention is paid to the Yamal Nenets who demonstrate an example of successful combination of adaptivity and resistance in the changing social-economic and political environment. The paper studies the examples of innovations in the traditional life of these people. The role of traditional economic patterns as the traditions preservation factor is discussed. The ethnically oriented innovative projects of the YaNAO following the general government policy — preservation of culture, way of life of the indigenous peoples of the North and their adaptation to modern conditions — are analyzed. It is noted that the aboriginal cultures today acquired a new function serving as the regional brands. The author also mentions the culture oriented modernization and multi-variant self-development strategies. A conclusion is made about the need to use different approaches to various social groups of the aboriginal population and about the importance of individual adaptation strategies.

Key words: Arctic peoples, Nenets, tradition, innovation, industrial development, adaptation, modernization, social and cultural complexity

REFERENCES

- Doklad o razvitií cheloveka v Arktike* [Arctic Human Development Report]. Ekaterinburg; Salekhard: Lazur Publ., 2007, 244 p. (in Russ.).
- Funk D. A. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2013, № 2, pp. 3–5. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review), 2012, № 2, pp. 3–12. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2014, № 2(43), pp. 143–153. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskie kochevya i gazovye mestorozhdeniya* [Ethno-expertise on Yamal: Nenets routs and gas fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014, 232 p. (in Russ.).
- Ivanova (Madyukova) S. A. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series Philosophy], 2006, Vol. 4, Issue 2, pp. 93–97. (in Russ.).
- Karlov V. V. *Narody severo-vostochnoy Evrazii v XIX i XX vv.* [The peoples of the north-eastern Eurasia in the XIX and XX centuries]. Moscow: KDU Publ., 2010, 476 p. (in Russ.).
- Kharyuchi G. P. *Traditsii i innovatsii v kulture nenetskogo etnosa* [Tradition and innovation in the culture of the Nenets ethnos]. Tomsk: TomGU Publ., 2001, 228 p. (in Russ.).

⁴⁰ Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. М., 2013. С. 155, 156.

⁴¹ Доклад о развитии человека в Арктике. С. 65.

- Madyukova S. A., Popkov Yu. V. *Istoriko-kulturnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii* [Historical and cultural heritage and spiritual values of Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 578–586. (in Russ.).
- Martynova E. P., Novikova N. I. *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya: Etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda* [Taz Nenets under oil and gas exploration: Ethnological assessment 2011]. Moscow: IP A. G. Yakovlev Publ., 2012, 132 p. (in Russ.).
- Narodnaya kultura v sovremennykh usloviyakh* [Popular culture in modern conditions]. Moscow: Rossiyskiy institut kulturologii Publ., 2000, 219 p. (in Russ.).
- Neotraditsionalizm na Rossiyskom Severe (etnicheskoe vozrozhdenie malochislennykh narodov Severa i gosudarstvennaya regionalnaya politika)* [Neo in the Russian North (ethnic revival minorities of the North and the state regional policy)]. Moscow, 1994, 225 p. (in Russ.).
- Novikova N. I. *Okhotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oil: Research in Legal Anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 2014, 407 p. (in Russ.).
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoricheski vestnik), 2005, № 12, pp. 140–144. (in Russ.).
- Pushkareva E. T. *Etnokulturnoe nasledie narodov Severa Rossii: k yubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoy* [Ethnic and cultural heritage of the peoples of the Russian North: to the anniversary of the doctor of historical sciences, professor Z. P. Sokolova]. Moscow: OOO "Avgust Borg" Publ., 2010, pp. 243–254. (in Russ.).
- Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [Russian Arctic: modern development paradigm]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014, 808 p. (in Russ.).
- Shtompka P. *Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy* [Sociology of social change]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996, 416 p. (in Russ.).
- Sokolova Z. P., Tishkov V. A. *Narody Zapadnoy Sibiri: Khanty. Mansi. Selkupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [The peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Entsy. Nganasans. Kets]. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 733–740. (in Russ.).
- Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka: nezavisimyy ekspertnyy doklad* [Present situation and prospects of development of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: report of the independent expert]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2004, 168 p. (in Russ.).
- Tishkov V. A. *Krizis multikulturalizma i problemy natsionalnoy politiki* [The crisis of multiculturalism and national policy issues]. Moscow: Ves Mir Publ., 2013, pp. 144–194. (in Russ.).
- Traditsii i innovatsii v istorii i kulture* [Tradition and innovation in the history and culture]. Moscow, 2015, 620 p. (in Russ.).
- Yuzhakov A. A., Mukhachev A. D. *Etnicheskoe olenevodstvo Zapadnoy Sibiri: nenetskiy tip* [Ethnic reindeer Western Siberia: the Nenets type]. Novosibirsk, 2001, 112 p. (in Russ.).
- Zuev S. M. *Kultura Arktiki* [Culture Arctic]. Yakutsk: ID SVFU Publ., 2014, pp. 150–161. (in Russ.).